

Осознавая же происхождение и значение слова, усвоив его написание и связь с другими словами, учащиеся будут активно и свободно применять его при построении высказываний как в устной, так и в письменной речи. Такие слова, по причине их частого использования, перейдут из пассивного в активный словарь.

Обращаться к этимологии слов уместно

– в процессе изучения разделов школьного курса русского языка, посвященных лексике, морфемному составу, образованию слов русского языка, где главной задачей является обогащение словарного запаса школьников (с этой целью проводятся соответствующие упражнения, одними из которых являются упражнения на основе этимологического анализа слов);

– при работе с текстом в процессе изучения лингвистического материала, развития связной речи школьников, когда для осмысления высказывания, роли в нем слов необходимо обратиться к истории появления того или иного слова (например, слова иноязычного происхождения, устаревшая лексика);

– при работе над орфографией, когда этимология слова проясняет правописание;

– для сопутствующего толкования значения слова с помощью этимологической справки, что активизирует внимание к слову.

Первоначальными приемами, связанными с этимологией слов, могут быть рассказы учителя «Из истории слов», чтение и анализ текста, содержащего этимологическую справку о слове. Такие приемы осваиваются учащимися еще в начальной школе. При этом необходимо дать школьникам первоначальное понятие об этимологии слова, этимологическом словаре. Далее, при изучении морфемики и словообразования в 5 классе, приемы этимологического анализа можно разнообразить, давая задания, связанные с оживлением морфемного строения слова.

Начиная с 7 класса, когда учащиеся в процессе изучения лексикологии уже более глубоко ознакомятся с этимологией слова, этимологическим словарем, словарем иностранных слов, в качестве приема этимологического анализа можно использовать задания, направленные на работу с этимологическим словарем.

Проводя словарную работу с использованием этимологии, учителю важно осознавать, что этимологический анализ слов как прием обогащения словарного запаса школьников является не самоцелью, а средством повышения мотивации деятельности учащихся по обогащению своего словаря. Поэтому очень важно, чтобы обращение к этимологии слова в первую очередь вызывало у учащихся удивление, радость открытия, интерес к работе со словом. Тогда изучаемая лексика усваивается быстрее и прочнее. Именно это обеспечивает эффективность применения этимологического анализа как приема обогащения словарного запаса школьников, который, как мы уже отмечали, тоже не является конечной целью, а необходим для использования в речевом общении, в коммуникации.

Новая концепция обучения языкам, внедряемая в практику школ Украины, ориентирована, как известно, на развитие речевой деятельности учащихся. Именно поэтому мы считаем своевременным поиск путей обогащения словарного запаса школьников, без чего невозможно полноценное речевое развитие. Эффективным средством, направленным на решение этой задачи, мы считаем использование при работе над усвоением трудных для понимания и правописания слов этимологического анализа, ведущего, к тому же, к повышению внутренней мотивации учения школьников.

Именно разработку комплекса упражнений по использованию учащимися этимологического анализа при обогащении их словарного запаса, ведущего к повышению мотивации к этой работе, конечной целью которой является развитие речевых навыков и умений школьников, мы считаем одним из перспективных методических путей.

Литература

1. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию. – М., 1998. – 331 с.
2. Жинкин Н. И. Психологические основы развития мышления и речи // Русский язык в школе. – № 1, 1985. – С. 47-55.
3. Пентлюк М. І. Методика викладання рідної мови в середніх навчальних закладах: Підручник для студентів-філологів. – К., 2000. – 264 с.
4. Пронин И. В. Изучение трудных слов с применением этимологического анализа. – М., 1964. – 78 с.
5. Столяров Л. П., Пристайко Т. С., Попко Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов. – К., 2003. – 192 с.

Крючкова Т. Б. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ¹

Диалект является одной из базовых форм существования языка. Его функциональная нагрузка в конкретном языке зависит от степени развития языка, прежде всего наличия кодифицированной формы существования – литературного языка, распространенности и употребительности последнего. В развитых обществах, обслуживаемых литературными языками с давними письменными традициями, диалекты все больше оттесняются на периферию коммуникативного пространства. В свое время Н. Н. Семенов оценила положение диалекта в системе форм существования немецкого языка как «слабую позицию», поскольку в структурном плане система его строевых признаков подвержена процессу известного размывания под влиянием литературного языка и обиходно-разговорных форм речи, а в функциональном плане наблюдаются различные процессы, связанные с отталкиванием и вытеснением диалекта, изменением его социальной базы и сфер использования [8, с. 69]. Сказанное иногда даже в большей степени справедливо и для диалектов других развитых языков. Однако при некоторых общих тенденциях развития языковых состояний их конкретные реализации могут иметь особенности, обусловленные как объективными (историческая специфика развития языка), так и субъективными факторами. Это можно достаточно наглядно проследить при сопоставлении социалингвистических характеристик современных русских и немецких диалектов.

Исследователи русских диалектов единодушны в том, что круг носителей «чистого диалекта» постоянно сужается. На его место приходят разнообразные смешанные формы диалектной речи [1; 4; 7; 9 и др.]. В настоящее время более или менее чистый диалект сохраняется у сельских жителей старшего поколения, в

основном у женщин, не связанных с современными индустриализованными способами ведения хозяйства. К этому следует добавить, еще один признак – невысокий уровень образования (обычно начальное). С годами количество индивидов с такими характеристиками естественным образом убывает, поэтому в настоящее время социальная база диалекта в России по сравнению с 70-ми годами прошлого века, к которым относятся приведенные выше суждения, еще больше сузилась.

Основными социальными причинами, негативно влияющими на бытование диалекта, являются обязательное (в советское время) среднее образование и повсеместное распространение СМИ – периодических изданий, радио, а позже и телевидения. Как известно, в школьном образовании всегда использовался и используется только литературный язык, в СМИ в советское время тоже господствовал нормированный литературный язык, «прямой эфир» был большой редкостью, да и «прямым» его можно было назвать достаточно условно, поскольку все выступления заранее репетировались.

В сельской местности все более широкое распространение получают различные смешанные идиомы. Так, Л. М. Орлов считает, что в настоящее время можно выделить по крайней мере три идиома, в той или иной мере связанные с диалектом, которые могут параллельно функционировать не только в пределах одного села, но и в одной семье: тип Д, содержащий все сохранившиеся черты диалекта-основы, тип Л, близкий к литературному языку, и тип С, в котором в наиболее полном виде обнаруживается соединение элементов диалекта и литературного языка [6, с. 156-158]. Группа носителей разновидности С наиболее многочисленна. Это «основная масса производителей, среднеграмотных, активно участвующих в трудовой и общественной жизни села» [7, с. 13].

Следы диалекта обнаруживаются и в речи горожан, способствуя образованию так называемого «просторечия 1» (термин Л. П. Крысина). Носителями этого диалектно окрашенного просторечия являются горожане старшего возраста (преимущественно женщины), имеющие образование не выше начального. По естественным причинам круг носителей просторечия 1 постоянно сокращается.

Еще одна характерная черта, присущая современным русским диалектам – появление функционально-стилистических разновидностей диалектной речи. Так, например, в арсенале речевых средств жителей современной деревни диалектологи наблюдают элементы публичного стиля, официально-деловой речи [1;7].

По мнению Л. П. Крысина, получается определенное противоречие между тем социально-коммуникативным статусом, который имеют местные говоры, и их современной структурой: с одной стороны, ими владеет все меньшее число людей, они играют все меньшую роль как средство общения, а с другой – они усложняются и структурно, и функционально. Изменения, ведущие к преобразованию диалекта в полудиалект, – это не только процессы смешения диалектной речи с литературной и просторечной, но и формирование таких отношений между компонентами системы, которые отсутствуют в «чистом» диалекте, в частности, отношений функциональной дополнительности [5, с. 51].

И, наконец, важнейшей социолингвистической особенностью современных русских диалектов является специфика языкового сознания их носителей: отношение к диалекту как к единственному и естественному средству общения замещается у большинства говорящих на диалекте отчетливо выраженной ориентацией на литературный язык, оценкой последнего как более престижной коммуникативной системы, а своего диалекта – как системы социально и функционально ущербной [4; 5]. Отношение носителей литературного языка к диалектной речи также негативно. Диалект является в их сознании явным признаком «необразованной деревенщины». Интерес к диалекту проявляют лишь лингвисты и фольклористы. Проблемы культурной ценности диалектов никогда не обсуждаются. Забота об их сохранении является как бы «попутной» в деятельности собирателей и реаниматоров фольклорной культуры.

Ситуация с немецкими диалектами является гораздо более многогранной и разнообразной. По мнению исследователей, немецкое диалектное пространство отчетливо подразделяется на три части: 1. регион, в котором диалекты исчезают; 2. регион, для которого характерно функционирование континуума форм, переходных от диалекта к литературному языку; 3. регион, в котором распространена диглоссия диалект/стандартный (литературный) язык [10; 12; 13].

1. К исчезающим относятся в первую очередь нижненемецкие диалекты. Они ведут, по выражению У. Аммона, реликтовое существование. В первую очередь эти диалекты были вытеснены из городов, в настоящее время и в сельской местности ими пользуются лишь пожилые крестьяне с низким уровнем образования. Однако в отличие от России как реакция на сокращение сферы функционирования диалектов возникло довольно мощное движение в их защиту. В последние годы деятельность защитников диалектов постоянно интенсифицировалась, что дало свои результаты. В 1997 г. нижненемецкие диалекты были включены в Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств в качестве самостоятельного языка. В последние годы были даже опубликованы конституции нижненемецких земель на диалектах. Борьбу за сохранение исчезающих диалектов ведут прежде всего образованные слои населения. По мнению У. Аммона, эта деятельность имеет несколько меркантильный характер. Многие защитники диалектов отстаивают свои профессиональные интересы, поскольку либо руководят соответствующими кафедрами в университетах, либо являются сотрудниками других организаций, исследующих диалекты.

Несмотря на то, что «чистый» диалект в этом регионе постепенно исчезает, речь практически всех его коренных жителей в определенной степени диалектно окрашена. У малообразованных слоев населения проявление диалектных особенностей настолько велико, что у детей из таких семей возникают серьезные проблемы в процессе школьного обучения, которое осуществляется на литературном языке. Речь образованных слоев в большой степени приближена к литературному стандарту, что позволяет им комфортно чувствовать себя на территории всей Германии. Но тем не менее она имеет много характерных особенностей в первую очередь на фонетическом уровне. Этот вариант является местным «употребительным стандартом» и повсеместно используется в любых ситуациях даже официального общения, за исключением таких сфер, как театр, а также некоторых передач на радио и телевидении, где владение стандартным литературным языком является составной

частью профессиональной компетенции. Местные политики считают даже хорошим тоном иногда продемонстрировать избирателям, что они могут говорить по-нижненемецки.

Начиная с 70-х годов прошлого века, ученые заметили интересную тенденцию и у нижних социальных страт населения. Они все более положительно относятся к диалекту, воспринимая его как язык малой родины (Heimatssprache). Так, учащиеся школ, став взрослыми, нередко начинают охотно пользоваться диалектом, хотя за время обучения овладели формой, приближенной к литературному языку, и в этот период употребляли в основном ее. Они высказывают мнение, что диалект является вполне самостоятельной формой языка, имеющей исконный характер, которую необходимо сохранять и использовать в повседневном общении [3, с. 339].

2. Регион, для которого характерен диалектно-стандартный континуум, занимает весь юг относительно территории распространения нижненемецких диалектов. Здесь у диалекта гораздо более устойчивые позиции, хотя имеются некоторые признаки их постепенного ослабления. По мнению У. Аммона, одним из таких признаков является языковая компетенция некоренных жителей региона. Они не считают обязательным говорить на местном диалекте. Их дети также вырастают, не владея в полной мере диалектной речью. Другой достаточно показательный пример – люди, не владеющие диалектом, могут занимать официальные должности в местных административных органах. Такое положение вещей также стимулирует создание разного рода общественных объединений, ставящих перед собой задачу поддержать и защитить местные диалекты.

Основная масса коренного населения широко использует диалект в самых различных сферах жизни. При этом наблюдаются все возможные формы, переходные между «чистым» диалектом и литературным языком. Употребление этих форм социально и ситуативно обусловлено. Нижние социальные страты говорят на диалекте, а верхние больше склонны к употреблению литературного языка. В городах формы, приближенные к стандарту, употребляются чаще, чем в сельской местности. В официальных ситуациях представители верхних социальных страт всегда используют литературный язык, а в неофициальных – диалектно окрашенные варианты. Но и в таких ситуациях они стараются не употреблять «чистый» диалект. Представители нижних социальных страт, напротив, испытывают затруднения с использованием литературного языка даже в ситуациях официального общения.

Основное отличие от первого региона состоит здесь в том, что даже представители верхних социальных страт испытывают определенные затруднения при употреблении стандартного литературного языка. Так, по наблюдениям У. Аммона, даже школьные учителя иногда употребляют диалектные формы тех или иных слов в процессе официального общения [10, с. 168]. Естественно, что жители этого региона относятся к диалекту еще более лояльно, чем носители нижненемецких диалектов. Однако здесь есть свои нюансы. Местным политикам вряд ли придет в голову хвастаться тем, что они говорят на диалекте, поскольку их сразу заподозрят в незнании литературного языка. А этот недостаток невозможно компенсировать никакими другими достоинствами [10, с. 168].

3. Ситуация диглоссии диалект/литературный язык типична для немецкоязычной части Швейцарии. В этом регионе софункционируют только две формы – литературный немецкий язык с присущими ему швейцарскими чертами на уровне кодифицированной нормы и диалект. Последний представляет собой некое единство, в котором сглажены отдельные черты цюрихского, бернского, базельского и др. поддиалектов. Никаких промежуточных форм между литературным языком и диалектом не существует. Литературный язык и диалект жестко привязаны к определенным сферам общения, какая-либо корреляция с социальными группами отсутствует. Швейцарско-немецкий диалект занимает в данном регионе исключительно устойчивое положение и является подлинно всеобщим для германошвейцарцев средством повседневного общения без каких-либо социально-демографических ограничений, характерных для Германии или Австрии. Кроме того, швейцарско-немецкий диалект выполняет некоторые общественные функции, обычно присущие литературному языку. Он является средством публичной речи, печати, радио, телевидения и др. Такие функции требуют более обширного и дифференцированного словарного состава, чем это обычно присуще диалекту. Расширение лексического инвентаря происходит главным образом за счет заимствований из немецкого литературного языка, которые фонетически и морфологически трансформируются в соответствии с диалектной нормой. Х. Клосс считает, что в данном случае можно говорить о «культивированном диалекте» [11, с. 55-59]. Тем не менее кодифицированной нормы диалекта не существует, поэтому он не используется ни в школьном образовании, ни в делопроизводстве. Расширение социальных функций диалекта естественно приводит к сужению социальных функций литературного языка, он оттесняется в сферу письменного общения [2, с. 21-32]. Использование немецкого литературного языка в повседневном общении представляется германошвейцарцам настолько противоестественным, что, как отмечает Р. Циммер, любой индивидум, который попытался бы это сделать, столкнулся бы с весьма ироничным отношением к себе со стороны окружающих [14, с. 148]. По мнению того же автора, швейцарско-немецкий диалект является для его носителей средством национального отграничения и самоидентификации.

Несмотря на более чем благополучное, положение диалекта в Швейцарии, здесь также существуют различные общественные объединения, чья деятельность направлена на его сохранение.

Таким образом русские и немецкие диалекты отличаются друг от друга практически по всем социолингвистическим характеристикам. Немецкие диалекты и различные диалектно окрашенные идиомы имеют гораздо более широкое распространение, чем русские. Это относится даже к тем регионам, где, по мнению исследователей немецких диалектов, их позиции являются наиболее слабыми. Немецкие диалектно окрашенные идиомы и диалекты до сих пор имеют достаточно широкий круг носителей даже в городской среде. Русские диалекты и диалектно окрашенные варианты полностью оттеснены в сельскую местность. Все социальные слои немецкоязычного населения проявляют по отношению к диалекту высокий уровень лояльности и оценивают его весьма позитивно. Для многих немецкоязычных индивидуумов диалект является символом «малой родины», средством местной, а иногда и национальной самоидентификации. Представители образованного населения озабочены сохранением диалектов, поскольку, по их мнению, любой диалект представляет большую историко-культурную ценность. В немецкоязычных странах существуют многочисленные организации, которые занимаются поддержкой диалектов. Носители русского языка независимо от своего социального статуса

оценивают диалекты негативно. В их сознании, по-видимому, полностью утрачена историческая связь с диалектной основой. Интересно, что даже на сцене, желая создать юмористический эффект, и показать, что персонаж – человек простой и необразованный, артисты обычно используют не диалектные, а украинизированные варианты речи, видимо, интуитивно ощущая, что большинство населения просто не поймет диалектных слов и выражений. Естественно, что при таком отношении к диалекту никакой систематической работы по их сохранению в качестве живого средства общения в России не ведется.

Сопоставление социолингвистических характеристик русских и немецких диалектов не только представляет теоретический интерес, но имеет и большое практическое значение. Правильное представление о языковом варьировании является необходимым компонентом владения языком. Незнание этого компонента, которое особенно часто имеет место в межкультурной коммуникации, может существенно снизить ее эффективность. Результаты такого сопоставительного анализа необходимо использовать при подготовке учебных пособий и в процессе преподавания языка. Особо значимыми они являются для профессиональных переводчиков, поскольку необоснованное перенесение прежде всего аксиологических характеристик диалекта с одного языка на другой может существенно исказить замысел автора переводимого текста.

Литература

1. Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. – Саратов, 1967.
2. Домашнев А. И. К лингвистической характеристике немецкоязычного ареала Швейцарии // Лингвистическая карта Швейцарии. – Л., 1974.
3. Домашнев А. И., Копчук Л. Б. Типология сходств и различий языковых состояний и языковых ситуаций в странах немецкой речи // Домашнев А. И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. – СПб., 2005.
4. Коготкова Т. С. Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. – М., 1970.
5. Крысин Л. П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка. // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003.
6. Орлов Л. М. О социальных типах современного территориального говора // Язык и общество. – М., 1968.
7. Орлов Л. М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах. Дисс. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 1969. – Т. 1.
8. Семенов Н. Н. Из истории функционально-стилистической дифференциации немецкого литературного языка. – М., 1972.
9. Соколова А. Н. Изменение территориального диалекта под влиянием социальных факторов // Очерки по социолингвистике Шадринск, 1971.
10. Ammon U. Dialektschwund, Dialekt-Standard-Kontinuum, Diglossie: Drei Typen des Verhältnisses Dialekt-Standardvarietät im deutschen Sprachgebiet // «Standardfragen». Sociolinguistische Perspektiven auf Sprachgeschichte, Sprachkontakt und Sprachvariation/ O/S., 2003/
11. Kloss H. Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800. Duesseldorf, 1978/
12. Mattheier K. Pragmatik und Soziologie der Dialekte. Heidelberg, 1987.
13. Wiesinger P. Die Einteilung der deutschen Dialekte // Dialektologie. Berlin/New York, 1983.
14. Zimmer R. Dialekt-Nationaldialekt-Standartsprache: Vergleichende Betrachtungen zum deutschfranzoesischen Kontaktbereich in der Schweiz, im Elsass und in Luxemburg // Ztsch. Fuer Dialektologie und Linguistik. 1977, H.2/

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ, грант «Контрастивно-социолингвистическое исследование языковой вариативности: русский и западноевропейские языки», рук. Т. Б. Крючкова.

Куденко Е. В.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА С ЗАИМСТВОВАННЫМИ ВЕРШИЦАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ НАИМЕНОВАНИЙ ТКАНЕЙ)

Структура словообразовательных гнезд описана в работах Е. Л. Гинзбурга, Е. А. Земской, И. Г. Милославского, Л. В. Радибурской, А. Н. Тихонова, И. А. Ширшова и др. В предлагаемом исследовании мы будем придерживаться определения словообразовательного гнезда, данного А. Н. Тихоновым: «Под словообразовательным гнездом понимается упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня [5, с. 36]. Словообразовательная парадигма – совокупность всех производных одного производящего – является частью гнезда. Отсюда гнездо – это совокупность словообразовательных парадигм» [5, с. 47]. О словообразовательной продуктивности тюркизмов на материале отдельных тематических групп писали Р. Г. Гатаулина, Г. Х. Гилазетдинова, Р. А. Юналеева и др.

Новизна исследования заключается в рассмотрении словообразовательных гнезд, вершины которых заимствованы из тюркских языков, а производные не зафиксированы в лексикографических источниках, однако являются употребительными в языке художественной литературы и Интернета. Распространение и употребление слов тюркского происхождения в настоящее время в Крыму связано с определенными историческими условиями: возвращением народов, а следовательно, тесными контактами, которые влияют не только на социальные, культурные, но и на языковые связи.

Цель исследования – изучить словообразовательные возможности заимствованных слов, составляющих тематическую группу наименований тканей.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить новые лексические единицы, которые расширяют границы словообразовательных гнезд; 2) изучить структуру и семантику лексических единиц в составе словообразовательных гнезд.

Рассмотрим тематическую группу наименований тканей с точки зрения ее словообразовательной активности. В нее входят следующие лексемы: *аба* (обл.), *адрыс* (уст.), *алтабас*, *атлас*, *бумазея*, *бязь*, *камка*, *кантус*, *кармазин*, *кисея*, *коленкор*, *кумач*, *миткаль*, *муар*, *мухояр*, *парча*, *перкаль*, *тармалама* (уст.), *тафта*.

Словообразовательное гнездо с вершиной *атлас* представлено в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова следующим образом:

атлас	→	атлас-ец	
		атлас-н-ый	
		атлас-ист-ый	
		атлас-н-ть	→
		бел-о-атлас-н-ый	атласить-ся